

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ

Загробная жизнь

«Новая мысль»

2013

Загробная жизнь / «Новая мысль», 2013

Сегодня не только люди, приблизившиеся к последнему пределу земного бытия, стоят в трепетном недоумении перед вопросом о том, что с ними будет, когда хладная и мрачная могила покроет их тленные останки, но и люди других возрастов, надеющиеся еще долго вращаться на Земле, не могут устраниваться от этого трудного вопроса, потому что «всем надлежит однажды умереть, а потом...» Книга о том, как живут за гробом умершие, как будем жить и мы после нашей кончины, с описанием того, что душа испытывает, слышит и видит вокруг себя в тот страшный момент, когда исходит из тела, и в какие места переселяется. Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 13-221-1826

, 2013

© Новая мысль, 2013

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Смерти нет	7
Что ожидает нас за гробом?	13
Воскресшие мертвецы	17
Явления с того света	20
Глава 2	25
Определение загробной жизни	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Составитель Алексей Фомин

Загробная жизнь

Книга о том, как живут за гробом умершие и как будем жить и мы после нашей кончины, с описанием того, что душа испытывает, слышит и видит вокруг себя в тот страшный момент, когда исходит из тела, и в какие места переселяется

© Фомин А. В. Составитель, 2013.

© ООО «Издательство «НОВАЯ МЫСЛЬ», 2013.

© Верстка, оформление, обложка – ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

novm@bk.ru

Все права защищены.

Переиздание возможно только с письменного разрешения
ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Материал «Смерти нет» впервые вышел из печати за границей в 30-х годах XX столетия, подписанный инициалами А. Н., и с тех пор неоднократно там переиздавался. Текст печатается по Мюнхенскому изданию 1949 года, осуществленному православным детским приютом «Милосердный самарянин». В статье «Вера народов всех времен» использованы материалы из книги монаха Митрофана (Алексеева В.Н.) «Как живут наши умершие, и как будем жить и мы после смерти» (Спб., 1897) и из книги прот. Е. А. Попова «Вера в загробную жизнь» (Пермь, 1880). Во 2-й и 4-й главах использованы статьи из книги монаха Митрофана (Алексеева В.Н.) «Как живут наши умершие, и как будем жить и мы после смерти» (Спб., 1897).

Предисловие

Что ожидает нас за гробом? Врата вечности, в которую мы погружаемся, отходя из настоящей кратковременной жизни, закрыты от нас темной завесой. Тысячи и миллионы людей скрылись от нас в могиле и отошли в неведомый край, и ни один из них ни на миг не возвратился к нам, чтобы рассказать, что встретил он там. «Никому из отошедших на тот свет, – говорит святой Иоанн Златоуст, – Бог не позволяет приходить и рассказывать о том, где и как пребывают души, отошедшие от нас, и это устроено с той целью, чтобы демон, воспользовавшись этим, не ввел чего-либо от себя и не обольстил нас какими-либо призраками и обманами, и не распространял между людьми какого-либо нечестивого учения».

Но зачем, скажете вы, избирать для беседы такой трудный и темный предмет, сокрытый от нас Богом? Это не утонченный вопрос науки, интересующий немногих, а один из самых жгучих, жизненных вопросов, неотвязчиво преследующих нашу мысль. Прошедшее, нами пережитое, мы оставляем позади и свои взоры устремляем вперед к развертывающемуся перед нами будущему, ожидая от него удовлетворения наших желаний, всегда новых, никогда не утасаживающих. Это будущее, постоянно стоящее пред нашими глазами, всегда более или менее предположительное, в конце концов, ставит перед нами предел темнее ночи, за которым мы не видим никаких живых очертаний. Но чем гуще мрак, окутывающий последний день из отмежеванного нам круга времени и следующее за ним, тем напряженнее и неудержимее наш взор, взор всех живущих на Земле, который силится проникнуть сквозь густое темное покрывало, скрывающее от нас нашу будущую, предстоящую нам участь. Не только люди, длинным рядом прожитых лет приблизившиеся к последнему пределу земного бытия, стоят в трепетном недоумении перед вопросом о том, что с нами будет, когда хладная и мрачная могила покроет тленные останки, но и люди других возрастов, надеющиеся еще долго вращаться на Земле, не могут устраниться от этого трудного вопроса, потому что «всем надлежит однажды умереть, а потом...»

А что потом? Во все века и у всех народов мы видим неустанные покушения заглянуть за грань гроба и разъяснить, что скрывается там. Но много ли света внесла в эту темную область мысль человеческая, предоставленная самой себе? Нет. Как прежде, столетия и тысячелетия назад, была покрытой густым мраком загробная участь наша, такой же неясной остается она и ныне.

Где же найти нам разъяснение этой загадки, тревожащей нас? И не напрасно ли мы беремся за разъяснение утаенного?

Мы не обещаем и не можем обещать вам полным светом осветить область нашего загробного будущего, скрытую от нас премудрым изволением Божиим. Но нам дан и указан некоторый просвет, указаны некоторые черты, по которым мы можем предполагать, что будет с нами, когда тело, оставленное душой, сокроется и истлеет в могиле. По этим чертам мы можем отчасти узнать наше будущее, можем видеть его, как зеркалом в гадании. Если Господу не угодно было даровать нам полное знание последней судьбы нашей, мы должны довольствоваться пониманием ее отчасти, в той мере, какая, для нашей душевной пользы, дана нам премудрым Управителем судеб наших.

Но прежде чем приступить к постижению трудного и темного вопроса, мы считаем долгом, как подобает христианам, испросить божественную благодатную помощь для благоуспешного совершения предпринятого дела. Итак, призвав помощь свыше, с боязнью, как бы не сказать чего-либо противного божественной истине, приступаем мы к разъяснению трудного вопроса, нами поставленного, по существу своему всех нас интересующего.

Глава 1

Великая тайна смерти

Смерти нет

Как часто в наше время раздаются голоса, твердящие, что жизни за гробом нет, что мир потусторонний – выдумка, что для человека все кончается смертью. Кто говорит это? Да, к сожалению, многие из так называемых «людей образованных», которые сознательно или бессознательно содействуют пропаганде воинствующих безбожников, которые, отвергнувшись от Христа – Начальника жизни и смерти, – тем самым встали на сторону диавола – начальника смерти духовной.

На чем же основано их мнение? Грустно и стыдно отвечать, а надо: на отсутствии опыта, на котором только и основывает свои знания рассудок, и на недостаточности религиозного образования, даже на полном религиозном невежестве, – ни знаний нет у таких людей, ни духовного опыта, никто из них не потрудился даже познакомиться (не говоря уже – изучить) и вдуматься в творения и жизнь великих наших подвижников, а сердце их, – гордо отрицающих все, что не поддается рассудку, – глухо и слепо к красоте и величию Божьего мира, чтобы созерцание этой красоты их, как святую великомученицу Варвару, привело к познанию Творца вселенной. Они, люди эти, верят лишь тому, что признает их разум, что познают лишь наши жалкие пять чувств; люди эти не хотят знать о жизни духа, лучшей и высшей части человеческой природы. Книг, отрицающих их однобокие понятия, они читать не желают, говорят с чужого голоса, злословят о том, что сами не изучали. Ведь чтобы приготовить какое-либо кушанье или сшить сапоги, и то надо предварительно поучиться. А легко рассуждать о вере берется всякий, кому только пришла охота пофилософствовать, и такой человек даже не задается вопросом – честно ли так авторитетно рассуждать о том и отрицать то (мы уже не говорим о диавольских насмешках), о чем ты и понятия не имеешь? Особенно любят господа атеисты свои безумные разглагольствования подкреплять тем бесстыдным и совершенно ложным утверждением, будто все настоящие ученые не веруют в Бога. На эту удочку они поймали и ловят до настоящего времени многих простецов. А между тем, какая это бессовестная ложь!

Можно всю жизнь прожить без Христа и без христианского учения. Можно не верить в христианское учение, можно без Христа сделать свою жизнь легкой и приятной; но нельзя без Него пройти через мрачную долину смерти и еще менее – через Страшный Суд. Неверие старается скрыть это и от себя, и от других, выставя свои, якобы, «убеждения», что «там», на «том свете», не может быть ничего страшного, вроде «ада» и «вечного мучения»... Но если можно скрыть от людей свой страх и свое опасение перед вратами смерти и будущей жизни, то это еще не значит их уничтожить, а тем более доказать, что ни ада, ни вечных мучений не существует. У более откровенных и честных из неверующих бывают такие часы и минуты, когда они свободно раскрывают пред людьми борьбу и скорбь своего сердца... Из сердца и совести многих тысяч неверов нередко вырывается восклицание: «А что, если то, что говорит Евангелие, – правда?» И это боязливое восклицание мы слышим в их шумном веселии, и в их насмешках и глумлениях над религией, и в их убежденных речах неверия. На все это можно сказать только одно: да, Евангелие говорит правду, в нем заключается Божественная истина, о которой говорит Иисус Христос: «Мое учение не Мое, но пославшего Меня. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении – от Бога ли оно».

Нужно заметить вообще, что в предметах веры безопаснее меньше умствовать и больше верить: смиренное признание своего невежества иногда лучше знания. Пытливость челове-

ского ума с его гордыми притязаниями на «разоблачение» тайн веры, собственно, страшна не для небесной истины, ибо она выше всякого мудрствования, а для тех, которые злоупотребляют разумом. Восставать против небесного учения сомнениями и прекословиями – значит метать стрелы в небо: небо не страшится от них ран и поражений и не имеет нужды отражать их; они опасны для тех только, которые пускают их над своими головами.

Заметьте: неверующие всегда желают умереть внезапно – вернее, избежать смерти через смерть бессознательную. Такое желание – или ощущение ужаса, или ощущение тупого отчаяния, скрытое под маской равнодушия. Во всяком случае, такая смерть есть результат жизни бессмысленной. Насколько легка, спокойна, радостна смерть истинно верующих христиан (вчитайтесь и вдумайтесь, как умирали наши праведники!), настолько она страшна и мучительна для неверующих или для людей, взявших свою веру не из Божественного Откровения.

Лев Толстой, например, создал свою особую веру, и ему пришлось на 82-м году жизни предстать самому со своей верой пред лицом смерти и умер он... жестоко и трагично. Это потому, что религия, которую он создал, была не прочная, призрачная религия. Она была лишь временной формой его успокоения. Он и перед смертью все еще искал Бога, не будучи доволен своей религией. <...>

У нас царит бесконечное невежество в области богословско-религиозного знания, есть даже много интеллигентов, которые наивно хвалятся этим крупным пробелом своего образования. Люди, легко относящиеся к вере, никогда не читали наших первоисточников, немало людей, которые даже никогда не читали Святого Евангелия, не будем даже говорить о том, что они никогда не пробовали жить жизнью духа, т. е. путем опыта познать наше христианское учение.

Неверы упорны в своем отрицании, но ведь нельзя не видеть, что религиозная истина по самой своей природе допускает не рассудочный, а только опытный путь ее усвоения – и все-таки не делают никакой честной попытки идти к своей цели по пути опыта. Неверующие всегда признают знанием только то знание, которое опирается на опыт, на факты. Если бы кто сказал им, что совсем не верит в выводы химии и физики, то, несомненно, они такому ответили бы, что тот никогда не изучал опытным путем химии и физики, и в химии или физике, конечно, ничего не изменится от их неверия, вызванного незнанием.

Физический мир познается физическими опытами, а духовный мир – опытами духовными, а потому, кто позволяет себе судить о христианстве от имени разума, безличных опытов в области христианской, тот идет не путем разума, сколько бы он ни ссылался на разум, а действует, мягко выражаясь, как глупый...

Пора понять, что и в религиозном знании, как везде, разум должен обратиться к обычному для него опытному пути знания, вне которого он теряет свою правоспособность и осужден на совершенное бессилие. Необходимо обратиться к изучению богословской литературы для ознакомления с учением христианства не из вторых и третьих рук. И не относиться с презрительным невежеством к книгам людей, многие годы своей жизни проводивших в служении Богу, очищая и просветляя свой дух, и находивших в этом радость, смысл и цель своей богатой духовным опытом жизни.

В нашей интеллигенции, невежественной в богословии, отсутствует, кроме того, чувство греха настолько, что слово «грех» звучит для интеллигентного уха почти так же далеко и чуждо, как «смирение». Вся сила греха, его влияние на всю человеческую жизнь, – все это остается вне поля сознания интеллигенции, находящейся как бы в религиозном детстве. Покаянное настроение духа должно неизменно сопутствовать человеку на всех стадиях его духовного развития, и если нет его, то человек стоит на ложном и опасном пути, и он далеко от спасения. <...>

Наше призвание не здесь, на Земле, наша родина и наша цель «там», в том мире, к которому призвал нас Господь. Люди, не сочувствующие Церкви, говорят, что церковное учение

о той жизни – какой-то темный и беспредметный мистицизм. Так ли это? Правы ли мы? Мы, христиане, – не от мира сего. Это не значит, что наш мир где-то отсюда за миллиарды километров, где-то за бесконечными звездными мирами. Он внутри нас же самих, в окружающей нас природе, на всяком месте, в каждой душе. Стремиться из этого мира в тот не значит нестись и рваться куда-то в беспредельную звездную даль, в неизвестные пространства солнц и созвездий. Нет, это значит просто войти внутрь того, что находится в нас самих и кругом нас. В моей душе, какова бы она сейчас ни была, все же просвечивает нечто высшее, благороднейшее и святое, хорошие мысли, чувства и желания, та же душа, но только в более совершенной и прекрасной форме бытия. Идти туда, к тому просвету, вживаться в его атмосферу, ткать из нее свои жизненные нити – это и значит идти в тот небесный мир, к которому мы призваны Господом. Стараться отдавать свое глубокое внимание всему окружающему нас живому, всякой былинке и вещи, входить своим умиротворенным сердцем в то светлое и прекрасное бытие, которое проникает во все и отражается во всем, созерцая все в Боге, отказавшись от себя, – это значит идти в царство «не от мира сего». Тот мир есть лишь просветление, утончение и одухотворенный расцвет этого.

Милый друг, иль ты не видишь,
что все видимое нами —
Только отблеск, только тени от незримого очами?
Милый друг, иль ты не слышишь,
что житейский мир трескучий —
Только отклик искаженный торжествующих
созвучий.

Вл. Соловьев.

Мы смотрим на то же, на что смотрят и другие, но видим в нем тот мир, который для других пока остается сокрытым. Можем ли представить себе, что говорил незаметный цветок – лилия – сердцу и очам Господа, когда Он всю славу Соломона повергал перед нею ниц!

Мы не от мира сего. Это, однако же, не значит, что мы должны чуждаться тех людей, с которыми нас сводит действительная жизнь и мечтать о других существах, которые более подходили бы к нашему идеалу. Да, мы должны быть как можно дальше от всего худого и в нас, и в других, наш долг – бороться с этим неустанно. Верующий в «то» царство входит в самое глубокое общение с окружающими его людьми, хотя часто и неведомо для них. Не помимо их он ищет того неба, к которому призван, а в них же и через них же. Он идет к тому миру через деятельное общение с ближними, будь он в сфере мысли, дела или невидимой молитвы и любви. То, что может казаться уединением христианина, – только видимость; он ближе к своим ближним, чем сами ближние между собою и к самим себе. Он сквозь них же, в их собственной глубине, видит просветленный чудный мир того царства всякой красоты, жизни и гармонии, который всегда обнимает их, но в который они никак войти не могут, неудержимо скользя по блестящей поверхности этого мира...

Человек, как существо, предназначенное к бессмертию, не может не иметь предчувствия о нем, но в иных людях чувство это сильно, а в других так слабо, что оно почти ни в чем не проявляется. Отчего это? Да оттого, что в теперешнем составе человека два начала: одно – бессмертное, которое не исчезает в смерти, другое смертное, которое живет только до гроба. Каждое из этих начал производит в человеке сродное себе чувство. Оба эти начала так тесно связаны, что составляют теперь одно целое. Поэтому-то и чувство бессмертия с чувством смертности сливаются в одно неопределенное чувство. Если человек живет более тем, что есть в нем истинно бессмертного, т. е. духом, совестью, то чувство бессмертия усиливается, а если сильно предается тому, что есть в нем временное и мертвое – плоти и крови, – то усиливается

чувство смертности. Нашу душу, рвущуюся к свету небесному, нельзя удовлетворить земными благами и потому-то многие люди, имеющие все для земного счастья, испытывают великую тоску; недаром блаженный Августин, испытав все удовольствия и прелести земные, воскликнул: «Ты создал нас для Себя, и сердце наше неспокойно до тех пор, пока не найдет покоя в Тебе».

А великий святитель Григорий Богослов сказал: «Ты создал все непостоянным, чтобы мы всегда стремились к Тебе Постоянному, Вечнонеизменному!»

Смерть – великое и страшное таинство, и самое таинственное в ней – момент разлучения души с телом, переход человека из жизни телесной в жизнь чисто духовную, из временной – в вечную. Люди, говорящие легкомысленно о смерти, люди, сами прерывающие свою жизнь самоубийством, – глубоко несчастные и слепые! Ведь самоубийство уничтожает только тело, но не бессмертный дух его, который, по разрешению от тела, перейдет в вечность и некогда вновь соединится с тем же телом, хотя и измененным. И тогда самоубийца даст отчет не только за свое нравственное поведение на Земле, но и за насильственное прекращение своей земной жизни посредством самоубийства, так что, следовательно, освобождая себя самоубийством от временных страданий, он через это подвергает себя величайшему страданию в жизни будущей, вечной. Человек не должен оставлять своего поста на Земле, пока не отзовет его Тот, Кто послал его сюда.

Даже в дохристианском мире строго каралось самоубийство. В Греции от тела самоубийцы отсекали руку, которой он лишил себя жизни, и полагали отдельно. В Спарте и на Кипре совсем не погребали. В Риме Тарквиний Приск повелел тела самоубийц распинать на крестах и отдавать их потом на съедение диким зверям и птицам. Аристотель порицал самоубийство как проявление трусости: страдание и терпение – лучшая школа героизма, вот для страдания-то, для терпения и недостает самоубийце сил и мужества, почему он и бежит от жизни. Много сил нужно, чтобы переносить жизнь, которая нам не обещает ничего, кроме страданий, гораздо больше сил, чем для решения убить себя. И храбрость самоубийц – слепая и только потому кажется некоторым отважной. Индийская поговорка гласит: «Грудной ребенок не боится тигра». И храбрость самоубийцы сильна только до момента смерти, а в момент смерти душа прозревает, и скажи, храбрая душа, будешь ли ты так же сильна и там, пред тем, что тогда увидишь?

Дух человека скорее и легче отрешается от условий временной жизни, и, в то же время, когда у тела длится еще борьба со смертью, дух освобождается и еще прежде решительной смерти тела он уже витает как будто вне тела. Вот чем объясняют нередкие случаи, что в час кончины, еще не совершившейся, человек, или, правильнее, дух его в земном образе является в отдалении от тела близким сердцу людям.

Еще несколько минут – и человек вступает в вечность... Как вдруг изменяется форма его бытия! Дух его видит самого себя, свое собственное существо; он видит предметы (и самые отдаленные) уже не телесными глазами, а каким-то непонятным нам теперь ощущением. Он говорит слова не членораздельными звуками, а мыслью; не руками осязает предметы, а чувством. Двигается не ногами, а одной силой воли, и то, к чему он мог приближаться с великим трудом, медленно, через большие пространства места и времени, теперь он настигает мгновенно; никакие естественные препятствия его не задерживают. Теперь и прошедшее ему видно как настоящее, и будущее не так скрыто, как прежде, и нет уже для него разделения, ни малых, ни больших, все сливается в один момент – вечность. Что же он видит и чувствует?

Невыразимым ужасом поражает его открывшаяся вечность; ее беспредельность поглощает его ограниченное существо; все его мысли и чувства теряются в бесконечности! Он видит предметы, для которых у нас нет ни образов, ни названий; слышит то, что на Земле не может быть изображено никаким голосом и звуком; его созерцания и ощущения не могут быть выражены никакими словами. Он находит свет и мрак, но не здешний: свет, пред которым наше

яркое солнце светило бы менее, чем свеча пред солнцем; мрак, пред которым наша самая темная ночь была бы яснее дня. Он встречает там и подобные себе существа и узнает в них людей, так же отошедших из этого мира.

Но какое изменение! Это уже не здешние лица и не земные тела: это одни души, вполне открывшиеся со всеми их внутренними свойствами, которые и облачают их соответственными себе образами. По этим образам души узнают друг друга, а силою чувства узнают тех, с которыми сближались в здешней жизни. Встречаются духу нашему существа, сродные ему по естеству, но такие, одно приближение которых дает ему чувствовать неизмеримо высшую над ним силу их. Одни из них выходят из беспредельного мрака, и все существо их – мрак и зло; неизобразимы страдания в них самих, скорбь и гибель отличают их каждое движение и действие.

Но это еще в низших сферах духовного мира, ближайших к миру земному.

А там, далее, дух видит бесконечное море непостижимого света, из которого выходят и другие существа, еще более могучие: их природа и жизнь – одно необъятное добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь; божественный свет наполняет все существо их и сопровождает каждое движение...

Итак, в этом чудном мире дух человека силой своей духовной природы и неодолимой силой притяжения родного ей мира летит все далее и далее до того места, или, лучше сказать, до той степени, какой могут достигать его духовные силы, и весь, поразительным для него образом, перерождается. Тот ли это дух, который жил в человеке на Земле, дух ограниченный и связанный плотью, едва заметный под массою тела, всецело ему служащий и порабощаемый так, что без тела, по-видимому, и жить и развиваться не мог! Теперь, что с ним случилось? Теперь все: и доброе, и худое быстро, с неудержимой силой раскрывается; его мысли и чувства, нравственный характер, страсти, стремления воли – все это развивается в необъятных размерах; сам он ни остановить их, ни изменить, ни победить не может; беспредельность вечности увлекает их до бесконечности; его недостатки и слабости обращаются в положительное зло; его зло делается бесконечным, его скорби обращаются в беспредельные страдания.

Представляете ли вы себе весь ужас такого состояния? Ваша душа, теперь не добрая, но еще подавляющая и скрывающая в себе зло, там явится злой до бесконечности; ваше худое чувство, здесь еще чем-нибудь сдержанное, если вы не искорените его здесь, обратится там в бешенство; если вы здесь владеете собою, там вы уже ничего не сможете с собою сделать: все в вас и с вами перейдет туда и разовьется в бесконечности...

Душа человека, отрешаясь от тела, с многократной силой продолжает развивать в себе те качества, которые она приобрела в земной жизни...

Вследствие этого праведники бесконечно утверждают в добродетели и преданности святой воле Божией, а нераскаянные грешники – в нечестии и ненависти к Богу. К концу мировой истории и на Небе, и на Земле будут только две категории людей: беспредельно любящие Бога праведники и так же ненавидящие Его грешники.

Чем же ты сделаешься там, неверующий, грешный человек? Если ты здесь не хорош, то там будешь темным, злым духом. О, тогда ты сам себя не узнаешь, или нет: ты тогда слишком хорошо себя узнаешь, и понесет тебя твое зло собственным своим тяготением туда, где живет вечное, бесконечное зло, в сообщество темных, злых сил. И на этом пути ты ни остановиться, ни возвратиться не сможешь и во веки веков будешь страдать, – чем? Бешенством от своего собственного зла, которое не даст тебе покоя, и от той среды, которая будет вечно окружать тебя и терзать без конца.

А что же душа добрая, что с нею?

И добро также раскроется во всей своей полноте и силе; оно будет развиваться со всей свободой, которой здесь не имело, обнаружит все свое внутреннее достоинство, здесь большей частью сокрытое, неузнаваемое, неоценимое, весь свой внутренний свет, здесь всячески затемняемый, все свое блаженство, здесь подавляемое разными скорбями жизни. И понесется эта

душа, всей силой своего нравственно-развитого и добродетельно-возвышенного стремления, в высшие сферы того мира, туда, где в бесконечном свете живет Источник и Первообраз всякого добра, в область светлых и чистейших существ и сама делается Ангелом, т. е. таким же светлым, чистым, блаженным существом. Она будет уже навеки тверда теперь в добре, и никакое зло – ни внутреннее, ни внешнее – не сможет уже ни колебать ее, ни изменить, ни повредить ее блаженному состоянию. Но и не праздно будет жить душа и наслаждаться блаженством: она будет действовать своим просвещенным умом в созерцании и постижении тайн, здесь не разгаданных и неизвестных: тайн Бога, мироздания, себя самой и вечной жизни. Состояние наше в будущей жизни не будет состоянием бездеятельного покоя, мертвым, мистически-созерцательным: оно будет представлять гармоническое, всецелое удовлетворение всех потребностей и стремлений нашей души, путем непрерывного, бесконечного развития. Ум, сердце и воля человека найдут для себя много достойных предметов и обильную пищу в этом развитии. Непосредственное общение с Богом, как всеозаряющим светом, должно раскрыть нам всю беспредельность законов бытия: пред нами откроется такой кругозор, о котором мы в настоящей жизни не можем иметь и понятия. Только тогда удовлетворится та духовная жажда знания, которой томится человек в настоящей жизни. Один Бог – беспредельное море сущности – будет уже служить неисчерпаемо-возвышеннейшим предметом для нашего ума в его вечном стремлении – постигнуть Виновника всего существующего.

Вторым предметом нашего духовного созерцания будет дело нашего искупления, совершаемое Сыном Божиим, то великое и чудное дело, в которое желают проникнуть и ангельские умы, которым наше человеческое естество возведено в лице Богочеловека на Престол Божества. Третьим предметом нашего познания будет мир ангельский, мир совершенных, чистейших духов.

Само человечество в его прошедших судьбах и настоящем его состоянии станет также предметом, размышление о котором представит для нас величайший интерес, как представляет и теперь, при наших ограниченных средствах познания.

Наконец, преображенный и обновленный мир во всей его красоте и разнообразии будет привлекать к себе наш умственный взор и возбуждать чувство удивления и благоговения к Сотворившему все премудростью.

К этому следует прибавить высокое нравственное удовлетворение, которое будут испытывать праведники вследствие взаимного сближения. Не будет между ними ни зависти, ни ненависти, ни вражды, ни лжи, ничего такого, чем так полна и постоянно отравляется наша жизнь на Земле. Братская любовь, ничем не нарушаемый мир, полнейшее согласие, чистейшая правда будут царствовать среди блаженных обитателей Нового Иерусалима на небесах. Какая необъятная область ведения и жизнедеятельности! Какой неисчерпаемый источник блаженства!

При виде близкого существа, лежащего в гробу, многие приходят в отчаяние, смотрят на смерть, как на разлуку вечную, и вместо того, чтобы всеми силами помочь дорогому усопшему в его новой жизни, предаются безумной скорби и плачу. Но ведь смерть не есть уничтожение, душа продолжает жить за гробом, в том мире, в который, быть может, сейчас пойдем и мы <...>¹

¹ Материал «Смерти нет» впервые вышел из печати за границей в 30-х годах XX столетия, подписанный инициалами А. Н., и с тех пор неоднократно там переиздавался. Текст печатается в сокращении по мюнхенскому изданию 1949 года, осуществленному православным детским приютом «Милосердный самарянин».

Что ожидает нас за гробом?

Простой человек, размышляя самостоятельно, не может сказать что-нибудь верное и несомненное о нашей загробной жизни, поэтому мы должны обратиться к высшим руководителям, которые освещали пути нашей жизни, удостоиваясь откровения от Духа Божия. У них одних мы можем найти истинные указания в вопросе, нас занимающем. Высший Разум, бдящий над нами, озарял их мысль и благоволил через них ниспустить с высоты небес несколько лучей, при помощи которых мы можем увидеть нечто в той загадочной области, в которую вступим по разлучении с телом. Мы постараемся собрать и передать вам отголоски, донесшиеся до нас из высшего, божественного, мира, и если позволим себе присоединять к ним также искания естественной мысли человеческой, то не с тем, чтобы подкрепить ими указания высшего Разума, а чтобы оттенить их этими исканиями.

Но когда мы хотим раскрывать скрижали, содержащие указания высшего Божественного Разума, нам слышатся раздающиеся на распутьях мира голоса не то легкомыслия, не то безотрадного отчаяния. Люди, руководимые одной слепой своей мыслью, бессильные что-либо разглядеть за пределами гроба, думают и говорят, что для нас смертью все кончается: истлеет наше тело, и от нас и следа не останется, кроме короткой памяти о нас у близких наших, и что напрасное обольщение – надеяться на то, что для нас будет другая жизнь.

«Коротка и прискорбна наша жизнь, – говорили неправо умствующие сами в себе во времена Соломона, говорят многие и ныне, – и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада. Случайно мы рождены и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших – дым, и слово – искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах и дух рассеется, как жидкий воздух; и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца и отягченный теплотою его. Ибо жизнь наша – прохождение тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается» (Прем. 2, 1–5).

Не слышатся ли вам в этих печальных рассуждениях отголоски мыслей и чаяний, вторгавшиеся иногда в потаенную хранилищу вашего сердца?

Премудрый, изрекший такие слова, замечает, что так могут рассуждать только не умеющие познавать тайны Божии и закрывающие глаза пред явными судами Божиими. Источником таких рассуждений он считает нечестие и развращение сердец людей, их высказывающих. «Так они умствовали, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их» (Прем. 2, 21). Люди отдают себя в рабство страстям своим, без удержу удовлетворяют похотям развращенного своего сердца, не стесняясь чинят обиды и насилия своим ближним, и вообще нарушают и попирают закон, данный нам Богом в управление путей наших. И вот, чтобы заглушить голос о праведном мздовоздаянии за дела, идущий из глубины души нашей, они, для успокоения себя, говорят: умрем, и ничего не будет, а потому «будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью» (Прем. 2, 6).

Не думаем, чтобы тяжелая и безотрадная мысль о полном уничтожении нашем после смерти была тверда и решительна у тех самых людей, которые ее высказывают. В душе нашей слышится голос, требующий жизни, не ограничивающейся узкими пределами данного нам времени, и голос этот не могут полностью заглушить те, кто легкомысленно обрекает себя на полное уничтожение. И на них находят, и нередко, минуты раздумья, и тогда сомнение западает в их душу, колеблет и подрывает те помыслы, какими они хотят успокоить и оправдать себя в своей преступной преданности своим страстям.

Против мысли о полном нашем исчезновении после смерти неумолкаемо говорит сознание живущего в нас нравственного закона, основывающегося на неискоренимой в нас идее правды. Как в мире физическом все живущее приносит плод по роду своему, который является

непременным следствием процесса, переживаемого тем или другим живым существом, так точно должно быть и в мире нравственном. Наше нравственное самосознание требует, чтобы каждое наше нравственное действие сопровождалось соответствующим нравственным следствием, чтобы плодом добродетели было доброе ощущение в душе, – счастье или блаженство, а следствием порока – несчастье или страдание. Но в настоящей жизни мы не видим соответствия между нравственными действиями и теми следствиями, какими они сопровождаются. Порок часто торжествует, а добродетель страдает: люди нечестивые нередко живут в неге и роскоши и пользуются всеми благами мира, а люди, старающиеся о благоугождении Богу, по слову Писания, люди, «которых весь мир не был достоин» (Евр. 11, 38), часто влачили и влачат на Земле самую горькую жизнь, подвергаются крайним лишениям и испытывают тяжкие мучения, кончающиеся смертью. «Где же правда? – говорит наше внутреннее чувство. – Почему здесь такое нарушение закона мировой гармонии, по которому везде мы видим полное соответствие между семенем и плодом, между действием и его следствием?» «Ужели одна добродетель, – говорит блаж. Феодорит, – стоящая так много напряжения и борьбы, не приносит никакого плода?» Нет, непременно должен быть такой плод; непременно она должна получить свою награду, а порок – соответствующее наказание. И если мы этого не видим в настоящей жизни, то непременно должна быть другая жизнь, в которой восстановится нарушаемая здесь гармония, и мы получим добрый или худой плод, – награду или наказание, – по роду тех действий, какие совершала душа наша в период земного бытия. «Если бы не было никакого другого доказательства в пользу продолжения бытия души за гробом, – говорит Ж. Ж. Руссо, – то одного факта торжества зла на Земле и угнетения добродетели было бы достаточно, чтобы удержать меня от сомнения в этой истине. Столь возмутительный диссонанс в общей гармонии мира необходимо заставляет меня искать его разрешения. Я необходимо должен сказать себе: нет, не все кончается для нас с этой жизнью; все должно по смерти придти снова в надлежащий порядок».

Премудрый наставляет нас, что так и будет, – в будущей жизни последует воздаяние за дела наши, нынешнее время – время сеяния, а жатва будет, когда мы, выйдя из тела, перейдем в иной мир. «А души праведных в руке Божией... В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас – уничтожением; но они пребывают в мире. Ибо, хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия... Во время воздаяния им они воссияют как искры, бегущие по стеблю» (Прем. 3: 1–4, 7).

Другой премудрый – сын Сирахов, – согласно с этим, говорит: «Боящемуся Господа благо будет напоследок, и в день скончания своего обрящет благодать» (Сир. 1, 13).

На чем основывают свои безотрадные взгляды обрекающие себя на полное исчезновение после смерти? Очевидно, на том только, что мы ничего не знаем о будущей загробной жизни, и нет для нас прямых доказательств ее, – на том основании, что внешние чувства наши, которыми мы воспринимаем впечатления от мира, существующего вне нас, никаких данных не сообщают нам о загробной жизни. Но логично ли, разумно ли отрицать действительность того, что неизвестно? Мало ли чего мы не видим? Мало ли чего мы не знаем? Неужели мы должны признать несуществующим все, чего не знаем и что не подлежит восприятию нашими чувствами? И Бога не видел никто никогда (Ин. 1, 18); а между тем, говорит псалмопевец, только безумный может сказать: «нет Бога» (Пс. 13, 1).

Не подвластна загробная жизнь нашим внешним чувствам. Но кроме внешних чувств у нас есть чувство внутреннее, более глубокое, непосредственно связанное с нашей силой познания. Это внутреннее чувство ставит нас в соприкосновение с высшим духовным миром и дает нам предощущать тайны этого, незримого нами, духовного мира. Из него исходит неумолкаемый протест против грубого, искусственно навязываемого многими, учения, ограничивающего нашу жизнь пределами одного материального мира. Отсюда у всех народов, стоящих на разных степенях развития и культуры, есть неискоренимое убеждение, что смертью не все для нас

кончается и наступит для нас после смерти новая жизнь. Во всех религиях, какие только существовали и существуют в роде человеческом, верование в загробную жизнь составляет один из краеугольных камней, наравне с верованием в бытие верховного Существа – Бога. Всюду мы видим молитвенное поминовение умерших и почитание их, превратившееся у иных народов в культ предков – это свидетельство того, что, по общенародному верованию, не преданы уничтожению умершие, а живут в другом мире другой, отличной от нашей, жизнью. Это убеждение, в силу своей всеобщности, не могло явиться вследствие какого-либо обольщения. Оно вырастает из души, созданной бессмертной; в нее вложено изначально чувство бессмертия, вместе с чувствованием бытия своего. Бог, по слову премудрого, смерти не сотворил. Будучи неиссякаемым источником жизни, «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего» (Прем. 2, 23). Смерть после вошла в мир завистью диавола, как объясняет премудрый.

Она в роде нашем нечто неестественное, противное нашей природе. От того все мы боимся смерти, как чего-то чуждого нам, как грозной кары, висящей над нами. У всех нас ничем не заглушаемое желание жить и жить нескончаемые века. Это желание называют зарей, предвестником и предощущением жизни будущей, нами ожидаемой и нас ожидающей.

Во всеобщих верованиях в загробную жизнь нам слышатся отголоски древнего предания, идущего от нашего родоначальника. Созданный по образу Божию, он чувствовал себя бессмертным и видел, каким образом он подвергся наказанию смертью, но в то же время его утешало обетование, что это наказание не вечное и что Господь снова воздвигнет его для жизни блаженной, нескончаемой. Забыт источник этого предания, но оно глубоко запало в души его потомков и с распространением рода человеческого распространилось по всему лицу Земли, и никакие умствования не в силах уничтожить его. Хотят подавить его в себе единицы, пожалуй, сотни, но тысячи и миллионы хранят его и не могут представить человека без веры в его вечное назначение.

Люди, не ожидающие ничего для себя после смерти, укажут, кроме полного и окончательного уничтожения, на бездыханное и неподвижное тело умершего, которое скоро после смерти предается тлению и исчезает в массе бездушной материи. Но, кроме бренного тела, у нас есть душа, отличная от материи. Из персти Господь создал наше тело, но это перстное тело. Он вдунул дыхание жизни (Быт. 2, 7), которое, будучи неоднородно с телом и не им порожденное, не может быть уничтожено вместе с перстью. Душа наша – существо простое, неделимое, не сложенное из материальных частиц. Тело, когда умирает, разлагается на составные части, и разрушается связь, сдерживающая их в единстве. Но в простой душе немислимо никакое разложение. Эта душа проявляет свою жизнь и силу в мысли, в чувстве, в желаниях и решениях, и при изменении тела она сознает себя единым, самостоятельным существом. Эту силу души мыслить, чувствовать и желать, и вообще сознавать себя, связывают с нервными узлами, составляющими утонченную часть нашего тела. Но эти нервные узлы – часть материи мертвой, неспособной к сознательной жизни. Предоставленные самим себе и не возбуждаемые силой высшей материи и господствующей над ней, они представляют инертное тело, решительно неспособное к какой-либо самостоятельной деятельности. Узлы эти остаются на своем месте, когда душа оставляет тело, и не теряют своей формы. А между тем, тогда от них не видно никакого проявления жизни, а тем более мысли, сознательного чувства и вольных движений. Правда, без них душа не может входить в сношения с внешним миром, получать от него впечатления и воздействовать на него. Но это отнюдь не служит основанием к отрицанию самостоятельности души. Премудрому Творцу угодно было соединить бессмертный дух с перстным телом и этому телу назначить служение для сношения духа нашего с внешним миром. Но органы тела, служащие душе, – положим, нервы наши, – отнюдь не самая душа. Они – машина, которой пользуется душа, входя в сношение с видимым миром. Машина действует, пока ей управляет живая умная сила, какой в данном случае является бессмертная душа. По

разрушении машины, живая сила, ей управлявшая, остается, хотя без нее во внешнем мире по-прежнему действовать не может. У этой живой силы есть вечный дом, в который отходит она, по оставлении тела, с которым была связана в назначенные ей дни земного существования. И вот, когда наступает предел этого, земного, существования, перстное тело возвращается в Землю, из которой создано оно, а дух возвращается к Богу, Который дал его. Так говорит премудрый Екклесиаст, вдохновляемый Духом Божиим.

Певницкий В. Ф. О загробной жизни. – Киев, 1903

Воскресшие мертвецы

О загробной жизни вопиют все когда-либо воскресшие мертвецы.

Примеры воскресения начались еще в Ветхом Завете. Илья Пророк воскресил сына вдовы; от прикосновения к костям преемника его, пророка Елисея, воскрес человек, которого принесли погребать. Спаситель, кроме юноши наинского и дочери Иаира, воскресил всенародно Лазаря. Бесполезна попытка безбожников доказать, будто Лазарь только был в обмороке. Против обморока говорят и многодневность Лазаря в гробу, и начавшееся разложение его. Палестина (в отличие от другой какой страны) тотчас покажет действительного мертвеца. Там от сильного жара мертвец разлагается быстро. И потому-то было обычаем иногда в тот же день погребать мертвого и уже на могиле оплакивать его. Затем, в силу обещания Спасителя: «и больше сих сотворит»² случаи чудесного воскресения мертвецов стали повторяться почти наряду с чудесными исцелениями больных. Сколько и в каких только странах святые Божьи не воскрешали мертвых! Так, апостол Петр воскресил благочестивую девицу Тавифу, а Павел – юношу Евтихия, упавшего с верхнего этажа вниз. Из дивных египетских подвижников Макарий однажды воскресил мертвеца только для того, чтобы доказать еретикам бессмертие души. В стране греческой преподобный Геласий воскресил мальчика, который умер от неосторожного толчка ногой монастырским ключником; преподобные отшельники Феодор и Павел возвратили к жизни пустынника, который был моложе их и который от укуса змеи весь истек кровью. Или как много известно случаев, когда святые Божьи для особенных целей только на короткие минуты оживляли мертвецов! Мертвецы по их требованию то вставали на ноги и отвечали, то из самых могил давали ответ! Например, тот же Макарий Египетский дважды заставлял говорить мертвецов, которые много уже времени были погребенными. Одного мертвеца он спросил: «Скажи, этот ли твой убийца, которого обвиняют и который приведен к твоей могиле?» Мертвец ясным голосом вслух всем ответил, что обвиняемый в его убийстве невинен. Другому мертвецу, который взял чьи-то дорогие вещи, скрыл их, а потом был застигнут нечаянной смертью, святой Макарий велел ответить, где скрыты вещи, из-за которых томят его же жену и детей. И мертвый открыл тайну.

Подобно святому Макарию один подвижник, живший в пределах Персии, также заставил убитого человека встать и открыть, кто его убийца. Убитый встал и вслух оправдал этого невинного тем, которые держали заподозренного в его убийстве, затем указал на действительного убийцу и высказал просьбу, чтобы деньги, которые тот захватил у него, были переданы его детям. Когда все раскрылось, святой сказал мертвецу: «Теперь снова засни смертным сном до того времени, как Господь придет на Всемирный Суд и разбудит тебя вместе с другими». А один святой из семейных мирян, у которого умерла дочь, не объяснив никому, куда скрыла чужую драгоценную вещь, доверенную ей на хранение, пришел на могилу умершей и молил Бога «прежде времени показать обетованное воскресение». Молитва его была выполнена Богом. Умершая воскресла, сказала о зарытой в Земле драгоценности и потом сделалась невидимой.

Но вот и в нашей православной России известно несколько случаев воскресения! Эти чудесные случаи принадлежат киевским пещерам. Преподобный Афанасий, живший в конце XII века, умер вполне подготовленный к смерти продолжительной болезнью. Но его не погребали в продолжение двух дней и не заботились погребсти. Когда же на третий день собрались все, чтобы положить его в могилу, то нашли сидящим и живым. Он прожил после этого еще двенадцать лет.

² Ин. 14, 12.

Преподобный Марк, живший в XI веке, силой Божьей возвратил к жизни в разные времена трех человек. Этот святой занимался копанием для других пещер и могил. Один раз очень тесной оказалась могила, в которую пришли положить умершего. Все возроптали на него за то, что он до того стеснил могилу, что нельзя было возлить на умершего елей. Тогда святой в простоте души сказал умершему, чтобы умерший встал и сам бы потрудился в тесной могиле возлить на себя масло. И что же? Мертвец приподнялся, протянул руку к маслу, возлил на себя масло крестовидно и потом снова умер.

В другой раз святой Марк совсем не успел приготовить для умершего могилу. И говорит тому, кто просил его о могиле: «Надобно подождать; пойдя и передай от меня умершему, чтобы подождать погребения один день». Погребатель возвращается к умершему и находит, что умершего уже отпевают. Однако решается вслух всех объявить ему слова Марка, и объявляет так: «Марк говорит тебе, что еще не готово место для тебя; подожди до следующего утра». И вот, мертвец открыл глаза и в продолжение целой ночи оставался живым! На следующее утро погребатель снова пошел к преподобному спросить о могиле и снова принес к мертвецу речь от него: «Марк говорит тебе, чтобы теперь ты отошел...» И мертвец тотчас закрыл глаза и умер.

В третий раз Марк похоронил младшего брата в общем (для двух братьев) гробу по правую сторону, т. е. как бы на первом месте. Старший же брат еще был жив и во время погребения находился в отлучке. Когда он возвратился в монастырь, то разгневался на Марка за то, что Марк лишил его первого места в могиле. Тогда Марк для прекращения спора и гнева попросил мертвеца, чтобы тот встал и уступил место старшему брату, который желает в свое время лечь на его место. И что же? Мертвец тотчас встал и занял второе место. Старший брат просил было преподобного Марка, чтобы тот велел мертвецу лечь на прежнее место. Но Марк ответил замечательно: «Божье дело воскрешать умерших...; а это чудо Бог сотворил через меня для того, чтобы ты напрасно не враждовал против меня и чтобы привести тебя к покаянию...»

Живой брат осознал свой грех, что решился спорить о первенстве в виду самой могилы, пал в ноги преподобному Марку и наложил на себя строжайшее покаяние, которое вполне вынес в продолжение остальной своей жизни. Всякий теперь может собственными глазами видеть в киевских пещерах и этих двух братьев, преподобных Иоанна и Феофила, которые лежат рядом, и гроб святого Марка³.

Применим указанные примеры воскресения к вопросу о загробной жизни. Если же бытие человека совсем оканчивается телесной смертью, если человек, умирая, навсегда уничтожается, то по какому же закону некоторые снова начинали жить полной жизнью после смерти? Так, например, Лазарь после гроба прожил не как-либо сокровенно или сомнительно, но у всех на глазах. В первый раз – на виду многих тысяч людей, которые любопытствовали его видеть, а затем – в ближайшем и постоянном общении с миром, как проповедник христианской веры и епископ на острове Кипр. Или пусть другие мертвецы оживали только на короткие часы и секунды; пусть все они (исключая усопших святых, воскресших вместе с Иисусом Христом) снова умирали, чем же объяснить и одно мгновение новой жизни их после решительной смерти, после разложения даже некоторых из них? Не осязательная ли это истина, что и каждый человек, умирая, не уничтожается совсем, что душа его и за гробом не перестает существовать, что по воле Божьей может она снова войти в тело и что таким же образом и все некогда воскреснут для вечной уже жизни?

Но отрицатели, может быть, не поверят и этим вопиющим примерам на том основании, что все это произошло когда-то давно, может быть, назовут все эти примеры или придуманным рассказом, или обманом в свое время людей – сотни и тысячи людей в свое время могли обмануться в том, что видели собственными глазами и что слышали собственным слухом, а они не обманулись бы!

³ Четьи-Миней, 29 декабря.

Но поверили бы они истине, если бы непосредственно перед их глазами ожил какой-либо мертвец? Сомнительно! В Евангелии сказано: «Если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят»⁴. Известны и примеры такого неверия: евреи были очевидцами воскресения Лазаря в Вифании, и, однако же, некоторые из них, поспешив в Иерусалим, еще решительнее стали преследовать Божественного Чудотворца, Господа Иисуса Христа, замыслили убить и воскресшего Лазаря. Что удивительного, если и нынешние безбожники, когда бы пред глазами их чудесно ожил мертвец, только растерялись бы вначале, не зная, что сказать, а потом стали бы объяснять чудесное событие по-своему? До такого упорного неверия может доходить человек!

Попов Е. А., прот. Вера в загробную жизнь. – Пермь, 1880

⁴ Лк. 16, 31.

Явления с того света

Загробную жизнь подтверждают и раскрывают в самой ее сущности явления с того света.

Говорят: «Никто не возвращался с того света; как знать, что есть там жизнь и какова эта жизнь?» Слово Божье, насколько нужно, открывает нам загробную участь как святых людей, так и нераскаянных грешников. Известны также частные примеры, поясняющие загробное состояние душ. И как же много можно было бы собрать этих примеров на протяжении двух тысяч лет с Рождества Христова! Целиком и полностью все эти случаи известны только Всеведущему, Который и определяет им быть в то или иное время и в той или иной стране. Укажем, однако, примеры, известные нам по житиям святых и по другим достоверным сказаниям.

Одни удостоились видеть рай, а другие видели только адские муки; некоторым же совместно было показано то и другое. Так, например, святой Андрей юродивый в продолжение двух недель находился в чрезвычайном возвышении духа и созерцал рай: в теле ли было такое состояние его или вне тела, он сам не мог дать отчета. Преподобной Феодоре Ангелы, направлявшие ее душу, подробно показывали рай. Святой Тихон Задонский удостоился нескольких видений будущего рая. Однажды, прогуливаясь ночью по монастырю, он остановился у алтаря и сам молил Бога, чтобы ему было показано блаженство, ожидающее на том свете праведников. И вот, пред ним раскрылось небо и показались райские радости!.. Страх и радостное чувство до того овладели им, что он едва достиг своей кельи. Симеону Дивногорцу было открыто состояние душ и праведных, и грешных: одни там встречаются Ангелами, а другие встречают стеснение со стороны духов злых. Воин Таксиот умер, не покайсявшись в смертном грехе прелюбодеяния. Через шесть часов после погребения он силой Божьей воскрес, но совершенно пришел в себя уже на четвертые сутки. Тогда он со слезами передал местному архиепископу, блаженному Тарасию, как в особенности за грех прелюбодеяния был низведен до преисподней ада. Преподобный Нифонт видел два раза, какая участь постигает грешную душу после смерти: один, не вытерпев притеснений от своего господина, удавился, и его душу увлекли бесы в ад; другой был блудником, занимался волшебством и допускал разбой, притом умер вдруг без покаяния, и душа его поступила в бездну ада.

Обратимся к примерам другого времени. Были два друга светского звания. Со временем они разошлись в нравственном направлении. Один полюбил слово Божье и, глубоко проникнувшись чтением слова Божьего, решил принять монашество; другой же вел жизнь рассеянную и порочную, дошел до такого вольнодумства, что дерзко смеялся над Святым Евангелием. Среди такой жизни последний был застигнут смертью. Друг-монах печалился об его участи и просил Бога, чтобы Бог открыл его загробную участь. Молитва была услышана. По воле Божьей мертвец является к монаху во время ночного сна, но только тонкого сна. Монах тотчас узнает его и спрашивает: «Каково тебе на том свете?» Он отвечает: «О горе мне, несчастному! Червь неусыпающий не дает мне покоя; мучения мои невыносимы. Только за твои молитвы теперь дана мне некоторая свобода. Если хочешь, я покажу тебе мои мучения, хоть частью, а не вполне, потому что тебе не вынести полного видения». После этого мертвец открыл свою ногу до колена. И что же видит и слышит спящий? Нога у мертвеца была покрыта страшным червем, от нее исходило зловоние. Сновидение было настолько ясное и потрясающее, что спящий тотчас пробудился. Пробудившись, он был поражен и наяву последствием видения: чувствует в своей келье страшный смрад. В испуге он выскакивает из кельи и при этом забывает затворить за собой дверь. От его тревоги пробуждаются прочие монахи. Страх овладевает всеми, не от рассказа только, но от того особенно, что смрад из кельи сновидца прошел по коридорам, проник даже в другие кельи. Стали чистить стены, мыть полы, распространять благовония, но смрад не пропадал. Наконец, вынуждены были совсем затворить монастырь и переселиться в другое место. Монах же сновидец, первым захвативший адского смрада, не мог и до конца

своей жизни совершенно освободиться от дурного запаха на руках, сколько ни обмывал их разными ароматами. Это было на Афоне.

Подобный же случай повторился у нас в России. Одна престарелая монахиня (в Новгородской губернии) видела во сне адские муки. Чтобы сновидению была полная вера, смрад адских мук, который она обоняла, слышался ей в продолжение целой недели, так что она и не могла принимать пищи.⁵

В начале XIX века был в Задонском монастыре архимандрит Варсонофий, умиравший трое суток. Находясь душой в загробной стране, умерший испытывал истязания за свои грехи от бесов-обвинителей. Но за молитвы Божьей Матери, священномученика Мокия и стратилата Андрея (которых он имел, вероятно, особенными ходатаями за себя) получил время на покаяние.

В 40-х годах XIX века в московском Симоновом монастыре был разговор игумена Досифея с престарелым монастырским духовником о недавно умершем иеромонахе Ионе: «Каково-то на том свете состояние умершего?» Духовник говорил, что далек тот мир и трудно оттуда получить какой-либо ответ. Игумен же при этом стал просить его, ввиду коротких уже дней его жизни, чтобы хоть он явился после смерти с того света сказать, что там такое. Старец задумался и отказался. Но игумен через некоторое время повторил ему свою просьбу, притом с такой настойчивостью: «Как игумен говорю тебе, покажись мне после своей смерти». Духовник замолчал. Года через полтора застигла его смерть. И вот, он вскоре после погребения является к игумену в сновидении в прежней своей келье и говорит: «Силен Бог поставить умершего в живых!»

Перейдем к примерам исключительно из мирской жизни. В алтайской миссии был такой случай. Священник спешил в деревню исповедать и приобщить тяжелобольного. Расстояния в Сибири огромные. Таким образом, во время продолжительного пути священник заснул со Святыми Дарами на груди. И вот во сне ему видится, что больной уже умер. От испуга он пробудился. По приезде же в деревню узнает, что больной и действительно был умершим, но ожил. Затем сам больной рассказал ему при всех, что видел на том свете: «Видел, – говорит, – различные муки. Духи злые старались увлечь мою душу в какое-то ужасное место. Но святой Ангел, защищавший меня от них, возвратил вот по воле Божьей душу мою к телу на покаяние»⁶. Возвратившийся к жизни, и прежде известный воздержанием и милостынями, стал жить еще строже.

В 30-х годах XIX века умер в Москве сановник Стефан Апраксин. Это был вначале вольнодумец, но, к счастью, приобрел себе друга в одном благочестивом человеке из знатной фамилии Долгоруковых. Долгорукова он был моложе и похоронил. Так как Долгоруков был бедным человеком, то он и похороны, и церковное поминовение друга принял на себя. Покойник на третий день после похорон явился к нему и поблагодарил его. Затем ему самому предсказал долго жить на свете и дал обещание известить, когда будет близка его кончина. Действительно, жизнь Апраксина текла и текла. Узнав из этого чудесного видения цену христианской милостыни, он внимательнее сделался к нуждам бедных людей. Так прошло сорок два года. Не переставал он ожидать к себе посетителя с того света. И вот, дивно ожидаемый тот является к нему снова в один из уединенных вечеров! Загробный вестник объявляет ему, что кончина его последует через двадцать дней. Но и еще обещает явиться к нему за три дня до самой смерти. «Какая же, спросят, была нужда в этом третьем явлении, когда все было сказано отходящему из этого мира и когда известие о кончине было принято с верой?» Цель третьего явления, как сейчас увидим, была, главным образом, та, чтобы дать убеждение в загробной жизни и другим. Апраксин, будучи здоровым, стал по-христиански готовиться к смерти. Конечно, все дни и

⁵ Еп. Игнатий. Аскетические опыты. Ч. 2. С. 661.

⁶ Журнал «Миссионер», № 48 за 1879 год.

часы были у него сосчитаны. Когда же осталось лишь три дня до его смерти, стал он ожидать явления умершего по-прежнему в вечерние часы: в это время душа человека, обыкновенно, бывает более сосредоточенной и делается способнее к духовным видениям. На таинственную ночь Апраксин пригласил к себе одного друга, также из высших чинов. Друзья вели беседу о духовных предметах. И вот в одиннадцать часов вечера является пришелец с того света! В этот раз Долгоруков успокаивал Апраксина помилованием от Бога за милостыни и потом сделался невидимым. Гость также слышал загробный голос, но говорящего не видел. Апраксин через три дня действительно умер и при прощании успел рассказать о загробных явлениях к нему Долгорукова некоторым лицам. В Москве громко говорили об этом, даже и в клубах⁷.

По случаю встречи с фамилией Долгоруковых приведем здесь и другой подобный пример. Были знатными сановниками родные братья, Владимир и Петр Сергеевичи Долгоруковы. Первый, живя в посольстве за границей, стал читать Вольтера и других атеистов – таким образом, скатился к неверию. Последний же был искренно верующим и набожным, в письмах увещевал своего брата верить. Но вольнодумец только смеялся над этими письмами. Раз он под вечер от усталости бросился в постель и задремал. Вдруг слышит, кто-то подходит к нему и открывает занавес у его постели: дремота тотчас пропадает. Незнакомый человек холодной рукой пожимает ему руку. Тогда он узнает в этом человеке своего брата и слышит одно только слово: «Верь!». Хотел было он от радости обнять брата, но видение уже окончилось. Все еще он думал, будто брат неожиданно приехал к нему. Поэтому спешит к прислуге и спрашивает: «Куда же девался мой брат?» Но прислуга отвечает, что никто в эти минуты не приходил к ним. Хотел было он по-прежнему своему неверию уверить себя, что виденное и слышанное им была одна греза-мечта. Но слово «верь» раздавалось в его ушах и не давало ему покоя. Тогда он записал и день, и час, и минуту, когда являлся к нему брат. И вот письмо из России вскоре уверило его, что в это-то самое время скончался его брат! С тех пор он обратился всей душой к слову Божьему и учению православной веры, сделался набожным, подобно брату. О чудесном же своем видении не стеснялся рассказывать другим⁸.

Не менее вразумителен пример из 30-х годов XIX века. Двое молодых офицеров (один из них еще был лютеранином) обещали друг другу: «который из них прежде умрет, тот должен явиться с того света к живому и сказать, есть ли там жизнь и что ожидает человека на том свете». Данное обещание по воле Божьей исполнилось. Умер один из друзей и является к другому, но не в сновидении, как ожидалось, а наяву. Умерший рассказал о загробной своей участи. Рассказ так сильно подействовал на того, который оставался в живых, что этот последний продал свое богатое имение, чтобы раздать все по богоугодным заведениям и на милостыни. Сам же переменил военный наряд на одежду странника; сознавая себя бедным грешником, когда приходил в церковь, часто не позволял себе проходить здесь дальше порога, словом, всецело посвятил себя Богу⁹.

Действительно, не хватит времени, чтобы пересказать все эти явления с того света, уже известные и вполне достоверные. Без сомнения, по милости Божьей, они еще будут там и здесь.

Говоря же вообще о них, прежде заметим о том, какой след они оставляли после себя. Все те, которые или совсем умирали и затем воскресали, или только умирали, равно как видевшие мертвецов во сне или наяву, – все эти люди делались глубоко сосредоточенными и кающимися. Начнем с Лазаря: как говорит предание, никто уже не видел на лице его улыбки после того, как он начал жить новый свой век. Преподобный Афанасий Печерский после воскресения избрал себе затвор, часто плакал и почти ничего не говорил братии, кроме наставления: «Кайтесь, кайтесь!» Точно так же был молчаливым блаженный Исихий, столько же лет снова прожив-

⁷ Рассказ передавался сначала устно, в записи сохранил его священник Беляев.

⁸ Еп. Псковский Гермоген (Константин Добронравин), прот. Утешения в смерти близких сердцу.

⁹ Душеполезное чтение, 1861. Ч. 1. С. 575.

ший на свете. Феофил Печерский, для которого Марк гробокопатель заставил умершего брата его перелечь на другое место, затем так много плакал, что ослеп. Что же доказывает это? Очевидно, то, что довольно пробыть на том свете и две минуты, чтобы почувствовать глубокое впечатление на всю оставшуюся жизнь, что страшно явиться туда не готовым или мало приготовленным и что нужно дорожить в этой короткой жизни каждым часом для приготовления себя к будущей вечной жизни.

Но неверующие тем более эти явления из загробной жизни назовут в простом народе невежественным суеверием, в образованных кругах – обманом чувств, а в тех и других – болезненным каким-либо расстройством (галлюцинациями). Ничтожные возражения! Если они отвергают явления душ с того света к живым, то, значит, недостойны веры и явления Ангелов, о которых говорится в Библии. Как Ангел есть дух, так и душа мертвеца – дух: в том и другом случае явления возможны не как-либо случайно, но по особенным намерениям Божиим и как чудо. Затем, если мы берем загробные видения из житий святых, то должны помнить, что эти видения святыми же в свое время и были записаны. А Димитрий Ростовский, исправитель житий святых после других жизнеописателей, кроме личного своего внимания к делу удостаивался видений от самих святых, жизнь которых описывал: некоторые святые являлись к нему, когда он писал их житие, чтобы предостеречь его от неточностей. Те же видения, которые мы привели здесь по другим источникам, кроме внешней своей достоверности, свидетельствуют сами за себя. Например, как же это монашествующие целого монастыря могли обмануться, когда следы адского смрада оставались неизгладимыми у них во всех комнатах? Или как Апраксин мог бы знать о кончине своей за 20 дней и готовиться к ней Святыми Таинствами, а затем умереть в назначенный день, если бы явления к нему Долгорукова были обманом? Надобно сказать, что и те, кто видел загробные явления, часто относились к ним с особенной пытливостью. Так, например, на Афоне один настоятель видел сон об иноке, которого только что похоронили в его отсутствие. Ему снилось, что умерший не был пущен в райские обители из-за какого-то тяжкого греха. Но затем помилован ради того, что уже после самой смерти потерпел некоторое бесчестие и страдание, а именно: когда гроб мертвеца опускали в могилу, то он выпал по неосторожности погребателей из гроба, и так сильно, что разбился у него череп. Новое доказательство того, что человек и после смерти своей жив: мертвое тело, конечно, не чувствует боли, но душа сочувствует бесчестию и поражениям тела. Чтобы убедиться в справедливости этого сновидения, настоятель решил на общем совете со старшей братией выкопать из могилы мертвеца и осмотреть его голову, которая (как и все тело) была плотно обернута мантией. Раскрыли могилу, осмотрели – и что же нашли? Череп у мертвеца действительно был разбитым¹⁰. Если загробные видения и в прежнее время, и в наши дни бывают чаще у людей духовной и высокой жизни, то кто же еще может быть лучше этих свидетелей? Эти люди по чтению аскетических книг, а многие и по собственному опыту, уже научились различать истинные явления от ложных: они близки к духовному миру. Наконец, и каждый образованный человек или просто рассудительный, конечно, сумеет отличить истину от суеверия, обман чувств или болезненное состояние от здорового состояния. Неужели же, например, покойный Филарет, митрополит Московский (1783–1867), не мог понять загробного явления к нему отца? Когда святителю Филарету за два месяца до смерти явился во сне его покойный отец и назвал ему день его кончины – 19-е число, то святитель не поверил, но и не отверг видения. Посоветовавшись с духовными людьми, он решил чаще причащаться, в том числе и причастился и 19-го ноября – в день своей смерти.

Неужели одни только неверующие-материалисты правы, а весь мир заблуждается? Не безумная ли это гордость – ставить себя умнее и правее всех на белом свете! И как странно, что в то же время гордые отрицатели доходят до самооплевывания и приравнивания себя к

¹⁰ Письма святогорца, 1858. С. 216–217.

животному! Потому что отказаться от бессмертия своей души и воскресения тела – значит уподобиться животному, которое погибает, и в этом-то смысле оплевать себя!..

Попов Е.А., прот. Вера в загробную жизнь. – Пермь, 1880

Глава 2

Загробная жизнь души до всеобщего суда

Определение загробной жизни

Верую, что Ты, Христос, Сын Бога Живаго, пришел к нам, грешным, в мир, чтобы спасти верующих в Тебя от греха, проклятия и смерти. Верую, что Ты, Христос, Сын Божий, взял на Себя грехи всего мира, доставив посредством этого верующим в Тебя прощение грехов и жизнь вечную за гробом.

Что же такое загробная жизнь, или какая она, жизнь после смерти? Желая приступить к посильному разрешению этого таинственного вопроса, я помню Твои слова, Христе Боже наш, что без Тебя не можем ничего делать доброго, но «просите и дастся вам»; и потому молюсь Тебе со смиренным и сокрушенным сердцем; приди ко мне на помощь, просвещая меня, как всякого человека в мире, к Тебе приходящего. Сам благослови и укажи, при содействии Всесвятаго Твоего Духа, где нам искать разрешения нашего вопроса о загробной жизни, вопроса столь нужного для настоящего времени.

Не было, нет и быть не может ничего истиннее вещаний слова Божьего или откровенных и Божественных истин, заключенных в Святом Предании и Священном Писании. Здесь один источник для разрешения нашего вопроса, источник, к которому человеку и повелено обращаться за разрешением в подобных обстоятельствах. «Испытайте Писание...»¹¹; или «разве вы не читали, что писано древним?»¹²; или «Царствие Божие в вас есть»¹³, «ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его» и т. д. Из этих слов Священного Писания мы видим относительно нашего вопроса о загробной жизни доказательства двух родов: внешнее доказательство, вне человека находящееся – Святое Предание и Священное Писание; и внутреннее доказательство, внутри человека скрывающееся – его дух и свойства души.

Итак, Божественное Откровение и разумное учение о душе – два главнейших источника, из которых вытекают несомненные истины загробной жизни. На эти два источника – Откровение и психологию – указал Сам Господь Иисус Христос. Предание и Писание представляют нам загробную жизнь продолжением земной, но в новом мире и при совершенно новых условиях. Загробная жизнь является продолжением земной жизни и, по словам Иисуса Христа, учившего, что Царство Божие внутри нас, его составляют правда, мир и радость о Духе Святом. Если у одних – добрых, богобоязливых, – в сердце рай, то, наоборот, у злых – и в сердце ад. Итак, загробное состояние, т. е. рай и ад, имеют на Земле свое соответствие, составляющее как бы начало загробной вечной жизни. Характер загробной жизни уже виден в жизни и деятельности душ на Земле; и потому, изучая нравственное состояние души на Земле, мы предварительно узнаем уже и ее загробное состояние.

¹¹ Ин. 5, 39.

¹² Мк. 12, 10.

¹³ Лк. 17, 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.